

В КРАСНОЯРСК я вылетел ночью из Домодедова. И Сибирь встретила нас солнцем.

А потом на катере по Енисею в Дивногорск.

Эта поездка перевернула меня сильно: не только по газетам и документальным кадрам — самому увидеть, как работает наша страна, какое это впечатление! Енисей, сосны, горы, двенадцать турбин — мощь огромная.

Я стоял у великой стройки нашей пятилетки, пытался мысленно охватить ее и вширь, и ввысь, и вглубь — насколько мог, и рождалась мечта о спектакле, возникал такой образ.

Гениальная мысль Ленина, переданная партий в мозг ученых, инженеров, технически оснащенная и помноженная на тысячи трудовых рук нашего народа, стала великой и грандиозной реальностью. Здесь, где до недавнего времени была дикая природа, бьет теперь мощный пульс Ленина, сюда рвется самая талантливая наша молодежь.

Рожденная ленинским гением, энергия Красноярской ГЭС стоила много труда. Но она заработала в огромном радиусе, осветила города, села. Пошла не только в промышленность, но и в театр, кино, телевидение, радио. А раз так, раз эта энергия делает достоянием миллионов наше искусство, которое сейчас мощно работает, значит, и она, эта электроэнергия, принимает участие в духовном воспитании людей.

Я стоял у Енисея и думал о том, что театр — это тоже проводы, через которые идет свет в души людей.

Стройки совершенствуют человеческие личности. Вот люди пришли — ученые, рабочие. Их встретила жестокая природа, жестокие условия — ревущий Енисей, скалы, сосны. И все. Ничего не было. И начали. Пошли сложные процессы.

Это одна стройка. А сколько их по стране.

И я думал: как драматург все это переберет на сцену — от мысли Ленина до рождения гигантов? Сколько столкновений, какая борьба — работа, жилье, питание, отдых... Была любовь, была смерть — все было. Природа там не шутит. Я попробовал испугаться в Енисее, обманутой солнцем, но это не Черное море. Зимой за сорок: дышать нельзя, не только работать, а люди в этих условиях каждый день совершают подвиг. Вот показывать, как все эти сложные процессы разрешаются через труд — гармонически связующее звено самых острых страстей и столкновений. Показывать, что не только люди строили Красноярскую ГЭС, но и она строила их.

От начала до пуска турбин столько конфликтов, процессов, событий, что, думается, их хватило бы любому драматургу на всю жизнь. Раскрыть языком театра эту тему так мощно и величественно, чтобы можно было сказать: это театр, и тут же: да, это жизнь — очень трудно, но и очень почетно.

И я думал о том, что эта пьеса должна будет породить и особые выразительные средства. Жизнь сорвет с актеров, режиссеров штампы, прокорректирует художнический опыт, потребует совершенно нового взгляда.

Театральная симфония — именно так я представляю себе этот спектакль.

Потребуется художник, который ошутит эту поэму через сценическое пространство, свет, цвет. В природу — в вечные скалы, в могучие сосны, в дикий Енисей — врезаются бетон, сталь, стекло... Игра света и звука... Утро, день, вечер, ночь... Не то это сказочный дворец, не то электростанция.

Я не предлагаю выстраивать ГЭС на сцене, я говорю о художественном образе. Но если художник серьезно захочет поднять этот образ, ему будет сопротивляться отсталая театральная техника, которая тормозит поиск современных выразительных средств. И возникает вопрос: новые задачи, стоящие перед театральным искусством, невозможно выразить устаревшей сценической техникой. Надо всем нам думать, как решить и эту проблему.

Дивногорск, Красноярская ГЭС — генеральная линия нашей Родины. Какой мощный бросок в коммунизм, как далеко ушла мысль Ленина! Отдавать эту тему только кинематографу обидно. Но как раскрыть ее в театре? Нужен особый артист. Как он будет играть на этих высоких пространствах и диагоналях? Как будет жить, мыслить в атмосфере звука, света? Люди, которых я узнал на Енисее, скупы на слова, машины требуют внимания, герои небожители. Говорят глаза, руки. Но как поднимается значение слова? Понимаю, что всех своих героев увидеть невозможно. Значит, перед современным актером, кроме требования высокого профес-

сионального мастерства, на первом месте стоит умение слушать время. Я никого не отсылаю в командировки. Мой сосед Михаил Исаковский по болезни глаз не был на фронте. Но лучшие песни о войне — его, потому что он умел слушать время.

Пробиться к современному зрителю не так просто. Мы много говорим о том, как высок его интеллектуальный уровень. Есть поговорка: «Не считай своего собеседника глупее себя!» Не стоит ее забывать, раз нам дано право обращаться к тысячам.

Я смотрел на Енисей, на эту грандиозную стройку, слушал гул турбин и думал, какой нужен композитор: композитор-оформитель, звуковик или композитор-поэт, философ. Да, симфония зву-

Поэтому надо знать и показывать нашего современника не только как сложившуюся уже личность, но и уметь предугадывать, что есть сегодня главный вопрос в обновлении и совершенствовании современника как личности строящейся, и отвечать на этот вопрос, вести за собой в завтрашний день.

Современный зритель жаждет живых диалогов. Ведь что поразительно! Имея свой кинематограф дома — телевидение плюс свой концертный зал — радио, проигрыватели, магнитофоны, человек сегодня, когда время так дорого, все-таки тянется к театру, идет на четырехчасовое общение с театром. И из какой дали приезжают, чтобы встретиться с нами. Не только на машинах — на самолетах прилетают. Происходит это потому, что и

знает весь мир. Не единицы, не десятки — сотни героев у нашей Родины. Вот где прежде всего мы должны вести поиск темы.

РАСТИ творчески театр может только на большой литературе. И поэтому все мы — и современный театр, и современная драматургия — больше, больше должны учиться у классиков. Не эпизодически, а постоянно проходить школу великой классики. Учиться делать разведку человеческой души, учиться языку, уменью лепить характеры, глубокому философскому проникновению в жизнь.

Лев Толстой знал мужика! Изнутри знал! Знал его огромную, непобедимую тягу к свету. Классика — всегда

достаточно. А тут у нас больше традиции, и они не простые. Гоголь и Шенкин, Чехов и Немирович-Данченко, Горький и Станиславский, Маяковский и Мейерхольд. Вот это союз, это дружба, это умение работать! Вот чему бы нам надо учиться у наших учителей. Вот что было бы лучшим, а главное, вполне конкретным продолжением традиций.

Великий русский театр рожден великой русской литературой. Она оберегала его от тлетворного влияния, она его совершенствовала нравственно и духовно. Ни одна литература так не боится за судьбы своего народа, как русская. В этом суть ее самостоятельности и самостоятельности — поэтому ей всегда были чужды любые проявления подражательности и эклектичности, поэтому не мы заимствовали, а у нас заимствовали.

Я в равной мере не сторонник безапелляционных утверждений, что все происходящее в искусстве не у нас — либо обязательно очень хорошо, либо, наоборот, обязательно очень плохо. Главное — не надо терять самостоятельности.

РАЗДУМЬЯ ПОСЛЕ ПОЕЗДКИ НА КРАСНОЯРСКУЮ ГЭС

ков. И в ней какая-то основная, глубокая мелодия.

Гитарки и юношеская песенка не годятся. Если уж песня — то такая, чтобы она пошла в народ, чтобы потом ее пели долго-долго! Спектакль может умереть, а песня останется. У нашего искусства тут большие традиции, когда песня от спектакля шла к народу, жила и живет в нем.

Работать с композитором, которому дано в музыке передать мелодию души народной, — счастье. Это подлинное счастье выпало сейчас Малому театру. Я говорю о Георгии Свиридове. Удивительный, необыкновенно благодарных выразительных средств — композитор. Он такую дал музыку к «Царю Федору Иоанновичу» А. К. Толстого, что мы все даже испугались, сможем ли дотянуться до нее. Музыка Свиридова привела к нам в театр и такого поэта, художника в музыке, как Александр Юрлов, потерю которого мы все очень тяжело переживаем.

Как работал Александр Юрлов!

Консерватория. Ночь. Русская хоровая капелла. В партере я, Свиридов и мои ученики с режиссерского факультета ГИТИСа. Всю ночь шла работа, всю ночь мы присутствовали при создании чуда. Александр Юрлов не дирижировал, он спорил, он со своей капеллой творил великую музыку.

Ушел вдохновитель спектакля. Но каждый раз на репетициях звучит его хор, живет волшебство Александра Юрлова, сумевшего поистине гениально раскрыть музыку Свиридова. Это пение обостряет до предела режиссерскую мысль, воображение, фантазию, это пение поднимает спектакль ввысь, кидает в глубь веков, взрывает. Говорят, незаменимых нет, но это несомненно.

И вот я думаю о моей мечте — спектакле к юбилею Малого театра, которому скоро 150 лет. Для того, чтобы он выразил, что сейчас делается на родине Ленина, стал симфонией о народе-творце, нужна «могучая кучка» — драматург, актер, композитор, художник, — которая была бы единой душой в своем броске.

Мне могут сказать: эта тема уже была, об этом уже говорили. Неверно. Казалось бы, все спето о войне. И вдруг Расул Гамзатов вместе с Яном Френкелем написали «Журавлей», и тема снова всколыхнула наши сердца. Нет спетых песен. Нет спетых тем. А тема, подсылаемая самой жизнью, плодородна, как сама земля, если к ней прикасается художник.

ТЕАТР — искусство живое. Зритель приходит к нам вечером, переполненный мыслями, которые волнуют его сейчас, сегодня. И если мы будем говорить с ним о том, что им уже передумано, пережито вчера, и начнем навязывать ему как сегодняшние проблемы, на которые он уже вчера — наша ответ, искусство театра — все равно останется быть живым, несмотря на свою живую основу.

кино, и телевизор, и радио — это общение с искусством через технику. А театр — искусство самое живое, самое непосредственное, диалог двух для третьего. И этот третий — наш народ.

Если ежедневно театр поднимает хотя бы тысячу зрителей, значит, в неделю я,

Борис
РАВЕНСКИХ,
✓ народный
артист СССР,
лауреат
Государственных
премий СССР

художник театра, говорю уже с семью тысячами. Это ответственность и еще раз великая ответственность! Что я, режиссер 70-х годов, скажу ему, чему научу? Станет ли зритель после диалога с театром духовно богаче, сильнее, чище, гуманнее или покинет театр разочарованный приблизительным и малоинтересным разговором. Мысль, рожденная в театре, вызывает огромную обратную отдачу, не желает идти на снижение, требует еще большей высоты.

Мы говорим о том, что искусство должно подниматься до уровня масс. Это бесспорная обязанность искусства, но этого мало. Довженковский позиция: «Понимаю, вдохновляю, учу» — основа основ современного художника. Режиссер-коммунист обязан не только подниматься до уровня масс, но и вести за собой.

Ни одна страна не думает так о будущем, как наша. Ни одна страна не устремлена так в день завтрашний, как наша, и именно поэтому самый гуманный строй — наш.

Вот обсуждается план, какой будет Москва через 15—20 лет. В президиуме сидит человек, которому 75. Он принимает самое горячее участие в обсуждении этого проекта. Спорит, волнуется, защищает. И вот я смотрю на него и думаю: какой удивительный человек, ведь он знает, что не увидит этой будущей Москвы. Но он ее строит. Коммунисты, лучшие люди нашей Родины, всегда жили, строили на будущее. Так и театр. Если он хочет быть нужным народу, он должен быть зрением своим обращен к будущему.

Если бы меня спросили сегодня, что изменилось в моей биографии, я ответил бы так: раньше я, перифразировав слова Юрия Олеши, стремился к тому, чтобы не было ни дня без хорошей мизансцены, сегодня для меня главное в работе — ни дня без мысли: что, как скажу людям своим трудом, помогу ли я им своим творчеством.

И тут я опять возвращаюсь к драматургии — нашей первооснове.

Красноярская ГЭС. Нет такой пьесы. Гагарин. Нет такой пьесы. А его улыбку знает весь мир, его подвиг

лучший критерий правильной оценки процессов, происходящих в современном искусстве.

Но наш театр славен не только великой классической драматургией прошлого. Советская классическая драматургия! Сколько раз она заряжала театр, сколько актеров, режиссеров родила.

Думаю, неверно, что редко появляются на сцене Леониды. Это особый театр. Его надо вернуть. Недаром к нему тянулись и Станиславский, и Немирович-Данченко, и Малый театр. Я понял, какое это богатство, какая это мощная и философски глубокая драматургия, когда работал над леоновской «Метелью».

Это не по-хозяйски, что все реже и реже на сценах современного театра идут пьесы Тренева, Вс. Иванова, Вишневского, Лавренева, Погудина, Афиногенова, Светлова, Сельвинского, которые мощно объясняли народу, чем сильна наша Родина. Они, эти писатели, сделали такие великие организмы, как Малый театр и МХАТ, советскими театрами.

Советская классическая проза. И тут далеко еще не вся целина поднята. И она ждет. Можно ли с полным правом говорить о продолжении традиций, когда сами мы не используем всего нашего богатства на практике. Оно необходимо новому поколению.

И все же театр, суть которого — живое общение с современником, в первую очередь раскрывается на современности. То, что большая драматургия рождает больших актеров и режиссеров, а драматургия невысокого качества творчески разоружает театр, казалось бы, истина, известная давно. И тем не менее театру далеко не всегда удается уйти от плохой драматургии. Я на своем опыте знаю, какой это вред для театра. Энергии, времени каждый раз затрачивалось не меньше, чем на «Власть тьмы». А результат? И поэтому я сниму шапку перед любым, кто принесет хорошую пьесу. Но плохую не возьму, даже если автором ее будет мой лучший друг...

Мы не очень любим говорить об этом, но ведь и театр способен не только открыть драматурга, но и убить. Если актер и режиссер проваливают хорошую пьесу, можно ли рассчитывать на то, что у драматурга останется желание продолжать работу с театром и дальше. И когда он потом, разочарованный в театре, уходит не без нашей помощи в прозу, кинематограф, телевидение, мы начинаем сетовать на драматургический голод.

Драматург открывает режиссера, режиссер — драматурга: процесс это единый. Удача всегда толкает на новую работу. И поэтому, когда драматург говорит о том, что не находит театра, достойного его пьес, а театр сетует на то, что у него нет достойной драматургии, эти рассуждения, основанные на взаимном разъединении, вопроса никогда не решат. Есть только одно решение — учиться работать друг с другом, учиться творческой дружбе. Пока мы это умеем не

О ГРОМНА наша многонациональная страна, огромно богатство ее искусства. Прошли великие даты: 50-летие Советской власти,

100-летие со дня рождения Ленина — сколько тем, сколько талантливых произведений! И вот новый освежающий ветер по стране — 50-летие образования СССР. По справедливости, как о большой радости, надо сказать, что лучшие пьесы о современности, идущие на наших сценах сегодня, принадлежат перу Геннадия Вокарева, Иона Друца, Чингиза Айтматова, Игнатия Дворецкого, Андрея Макаенка, Мустая Карима, Отта Иоселиани, Рустама Ибрагимбекова.

В этом году Малый театр работал с Ионом Друцем. Встреча с большим художником была полезна и Малому театру, и нашему зрителю, который очень серьезно принял спектакль «Птицы нашей молодости».

Сейчас все театры поняли, как плодотворно это тесное сотрудничество художников всех национальностей нашей страны, и мы будем его всячески развивать.

Этот добрый опыт требует поднять вопрос и об открытии в Москве специального театра, где круглый год (а не только в июле — августе — самое неблагоприятное для гастролей время) будут идти лучшие спектакли нашей страны. Такой театр в Москве необходим.

Возникает и еще один вопрос. Современный театральный режиссер, призванный давать свою оценку сложнейшим процессам, происходящим в современной жизни, должен быть не только умелым практиком, но и теоретически оснащенным.

Хотелось бы, чтобы теоретики, критики писали такие статьи, такие книги, которые бы толкали режиссерское мышление, будоражили режиссерское вдохновение, режиссерскую фантазию, прощивали генеральную линию современного театра. Талантливые книги есть, но хотелось бы больше и разных, которые были бы не пересказом-иллюстрацией спектаклей, но передовой теорией путей развития нашего искусства, чтобы они сегодня по мыслям, страстной заинтересованности были нам союзниками. Когда теоретик выступает как великий советчик, такой теории хочется поклониться.

Если теория явится компасом и будет опережать практику, то есть если мы будем придерживаться ленинского понимания теории, то меньше будет метаться художник театра, точнее идти.

И еще одно пожелание. Теория только тогда жизненна, когда она конкретна. **Помните общих фраз, общих слов.** Не стоит забывать изречения древних о том, что слова как цветы. Если с ними не обращаться бережно, они вянут.

СОВЕТСКИЙ театр должен быть явлением эпохи, поднятым на высокую ступень искусства.

Таким театром, после встречи с которым наш или зарубежный зритель понимал бы, что он встретился с искусством родины Ленина, говорящим языком Ленина. Родине предстоит не один идеологический бой, и поэтому если сегодня весь мир считается с нашей экономической мощью, то какой же сильной должна быть наша **духовная мощь!** Создавать искусство, о котором разбиваются атаки врагов, искусство, направляющее мысль, волю, творческую энергию народа, искусство, которое учит народ творить свою Родину, очищать ее от всего мелкого и наносного, делать ее все лучше и лучше, искусство, устремленное в будущее, — главная основополагающая задача художников театра.

Об этом я думал, стоя у Красноярской ГЭС.